

ЧТОБЫ ПОМНИЛИ

Все мы люди

Антонина Фролова вспоминает свои детские годы в немецкой оккупации

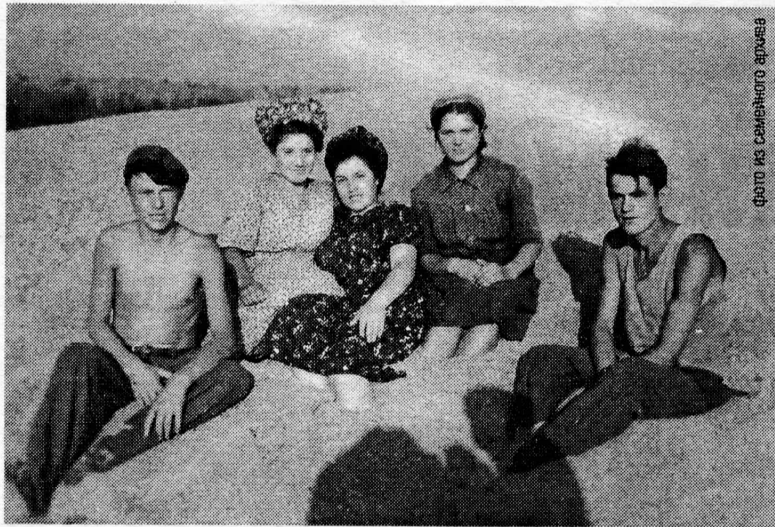

ФОТО ИЗ СЕМЕЙНОГО АРХИВА

ТОЛЬЯТТИНКА в этом году отметит свой 82-й день рождения. Жизнь у нее сложилась непростая. Проработала учителем сорок три года, более тридцати из них в школах Комсомольского района города Тольятти. Но в преддверии юбилейного празднования Дня Победы над фашизмом вспоминает страшные годы войны с особенно обостренным чувством горечи и утраты. Можно вспомнить и о непосильных тяготах быта, и об изнуряющей работе подростков на полях, о зверствах фашистов на захваченных территориях...

— Все так. Все это было. Но все же мне хотелось бы сказать и о несколько ином. О том, что не все немцы были фашистами. В большинстве солдаты были людьми, по чьей-то злой воле вырванными из семей, из привычной жизни и в приказном порядке брошенными разорять чужие земли. Иным из них было не чуждо чувство человечности, сострадания, умение видеть в побежденных не врагов, а обычных людей, загнанных войной в тяжелейшие условия, — считает Антонина Васильевна.

Она вспоминает:

— Наша станица Мелиховская, что на Дону, находилась в оккупации восемнадцать месяцев. Первые воспоминания о войне — проводы на фронт станичников. Уходил и мой отец. Он был бригадиром тракторной бригады, проводили вместе с трактором. Помню, как украшали трактор яркими георгинами, пышно цветущими в ту осень (да и теперь) в каждом дворе.

Мать осталась с двумя маленькими детьми, беременная третьим. Была еще старенькая глухая бабушка, человек необыкновенной доброты, настоящая русская женщина, глубоко верующая в Бога.

Ушли мужчины, ушла техника. Опустела станица, опустели поля. Жизнь пошла по-иному. В полях работали женщины, старики и дети. Землю пахали на коровах.

До войны наш колхоз был богатым, благодатная земля давала хороший урожай. Денег, как известно, в колхозах не давали. Считались так называемые трудодни. По осени на эти трудодни и распределялся колхозный урожай — все, что выросло на полях, огородах и в садах. Кто хорошо работал, тот хорошо и получал. А кто ленился, тот получал частушки:

«Я работала в колхозе, А работать было лень. Проработала неделю — Записали трудодень».

Теперь было не до частушек. Работали стар и мал, что называется, от зари до зари. Основной урожай шел государству: все для фронта, все для победы.

В ту осень мне подросла пора идти в школу. Матери было не до меня. Сказала только: «Сходи, запишись, а то будешь быкам хвосты крутить». Что это значило, я не поняла, но иметь дело с быками было страшновато. Делать нечего, пошла. Адрес, имя, отчество, фамилию я, конечно, знала, но вот с отчеством вышла заминка. Как же, думаю, я теперь по отчеству буду — отца нет. И сказала по матери: «Натальевна». Поняли, посмеялись, записали. И принялась Васильевна-Натальевна осваивать грамоту.

Тем временем, ближе к лету, заговорили о подступах немецкой армии. Кое-то из станичников собрался в эвакуацию. Но дальше ближайшей балки бежать, оказалось, некуда. В городе уже были немцы. Люди переселились в подвалы, во дворах стали рыть окопы, землянки. У нашей станицы была через Дон большая переправа, которую нещадно бомбили. Отступали советские войска, немцы наступали. Ужас того момента точно передал Твардовский: «...люди теплые, живые шли на дно, на дно, на дно».

Все буквально кипело в смеси грязи, крови, трупов, искореженной техники. Нам, детям, не сиделось в подвале. Забираясь на чердак, мы с ужасом и жгучим любопытством смотрели и слушали, как визжат снаряды, оставляя за собой полосу огня, как взлетают фонтаны воды. Даже улюлюкали вслед, не понимая серьезности положения. И только когда в соседнем саду что-то сильно рвануло, нас взрослые загнали в окоп. В доме оставалась одна бабушка. «Бог милостив», — говорила она и постоянно молилась. Мы, сидя в душном окопе, слышали какой-то странный треск и грохот со стороны улицы. Как потом выяснилось, по станице первыми прошли на мотоциклах румыны.

Вдруг у окопа возникла бабушка и позвала маму: «Ивановна, выйди-ка сюда. Пришли какие-то люди, что-то ищут, что-то кричат, я ж ничего не слышу и не пойму». Это были уже немцы. С криками: «Яйки, масло, млеко» — они рылись в подвале, забирая все съестное. Заметив бабушку и

маму, к окопу подбежал немец. Целясь автоматом в окоп, он кричал что-то вроде: «Вэк, вэк, вэк, шнель, шнель». И когда все вышли, расстрелял окоп.

Вернулись в подвал. Все разбросано, рассыпано. Так началась новая полоса нашей жизни. Теперь уже в неволе.

Перед домом был большой сад. Немцы загоняли туда свои огромные машины, рубили деревья и эти машины ими накрывали. Маскировка. Видно, из озорства, со смехом расстреляли большую русскую печь, что стояла во дворе. Потом, когда первая волна солдат прошла, стало тише. В доме часто менялись постояльцы из немцев, которые обычно занимали две большие комнаты, а наша семья ютилась на кухне. Приходилось приспосабливаться к жизни в новых условиях. Вечером, когда из стада возвращалась корова Зорька, мама брала доенку, ведро с водой, чистую тряпку и шла доить. Мы с сестренкой брали кружки и становились рядом. Нам первым мама наливала в кружки молоко, а за нами выстраивались в очередь немцы с котелками. С курами был смех и грех. Мы с сестренкой старались подкараулить, когда курица снесет, чтобы забрать яйцо, если удастся, первыми. Куры с переполоха стали нести не в курятнике, а где попало: в кустах, под домом и даже в угольнике. Там было самое безопасное место и курам, и нам. Никакой немец туда не рискнул бы лазить, а мы, чумазы от угольной пыли, но счастливые и с добычей, гордились своей ловкостью.

Однажды в нашем доме немцы разместили свою кухню. Что-то там пеклось, варилось, в определенные часы приходили немцы с котелками, получали свою порцию каши и уходили. Благо было лето, мы в дом не заходили, вхожа туда была только бабушка.

Заправлял кухонным хозяйством молодой, веселый немец по имени Ганс. Иногда при раздаче похлебки случалось, что пустых котелков еще много, а половник уже по дну скребет. Тогда молодой повар подливал в бак водички, размешивал, и кое-как всем хватало. Бабушка эту хитрость заметила и со всей непосредственностью вполне серьезно принялась повару внушать, что так делать нехорошо. Ганс только смеялся, бабушка сердилась, мы прижимали уши в страхе за бабушку.

К нашему изумлению, все обошлось, а бабушка как-то еще

и подружилась с этим Гансом. Это было уму непостижимо: два совершенно разных человека, не зная языка друг друга, как-то сумели понять один другого и даже найти общие темы для разговора. Бабушка узнала, что у Ганса дома одна мать, по которой он скучает. Отец тоже где-то воюет. Ганс показывал бабушке фотографии своих родителей, дома, сада. С улыбкой, но уважительно выслушивал бабушкино ворчание по поводу его поварской нерадливости. И, что самое странное, они даже вместе молились. Когда эта группа немцев уходила из станицы, Ганс оставил бабушке два куска мыла, катушку ниток, теплую кофту и какой-то теплый головной убор, похожий на шлем.

Зимой мы жили уже в доме, хотя и только на кухне. Основную часть дома снова занимали немецкие солдаты. Помню, под Рождество постояльцы получили из дома посылки. Это были какие-то яркие свертки, свечи и всякие такие диковинки, на которые мы смотрели во все глаза. Видя наши голодные глаза, солдаты и нас угощали сладостями. А в школе немцы поставили для нас елку, вернее какое-то непонятное дерево, которое мы украсили как смогли. Немцы вместе с нами водили хор, пели свои песни, а подарками были кукурузные лепешки с капелькой сгущенки. Неслыханное лакомство!

Жизнь в станице шла своим чередом. Вместо стансовета теперь была комендатура. Комендантом был немец, а вот старостой был наш станичник Иван Буданов, или просто Будан. Жестоким был человек, порою лютвал, дорвавшись до власти. Боялись его пуще всякой комендатуры. Молодых женщин, девушек угоняли, как тогда говорили, на работы в Германию. Люди прятались как могли. Но этот Будан всех выискивал и сдавал в комендатуру. Женщин постарше посылали рыть окопы. Пришел Будан за мамой, а у нас как раз тяжело болел мой крошечный братик, которому тогда не было еще и года. Мама тогда просить оставить ее дома хотя бы на время. Но Будан ничего не хотел слышать, пригрозил расстрелом за неподчинение властям. Взяв на руки больного ребенка, мать пошла в комендатуру. Там дали ей разрешение на временное освобождение от такой работы, а на другой день к нам пришел немецкий врач, посмотрел братика, определил воспаление

легких и дал какие-то лекарства.

Зима стояла холодная. Встал Дон. Поговаривали, что за Доном в зарослях прячутся партизаны. Дом наш пустовал в это время от постояльцев. Он находился на краю станицы, ближе к реке. В одну из особенно выюжных ночей к нам пришли какие-то люди. Их встретила бабушка, дала им кое-что из продуктов и отдала все теплые вещи, в которых отец работал в поле ранней весной: овчинный полушубок, шапку-ушанку, валенки, ватные штаны. Мама ворчала, но бабушка говорила: «Не горюй, Ивановна. Бог милостив. Вернется Вася, и ему найдем что надеть».

Видимо, кто-то донес. Явился Будан и набросился на мать с криками: «Твой муж в партизанах, говори, где они, а то сразу к стенке!» Мама плакала, показывала этому зверю два-три небольших треугольника, что хранились на божнице за иконами. Это были письма отца с фронта, полученные еще до оккупации. Будан разорвал их в клочья и велел матери собираться. Ушла мать, думали, теперь уж точно на расстрел. Бабушка сразу к иконам, нам тоже велела молиться за мать.

Через какое-то время она вернулась. Этот Будан потом ушел с немцами. Ушел с немцами и наш директор школы. При нем заporоли розгами мальчишку, который будто взял книжку со стола учителя.

После ухода немцев станица вздохнула с облегчением. Уже не было того гнетущего чувства, сознания, что мы в плену на своей земле. Война покатила на запад, народ теперь жил радостным ожиданием победы. В школе тоже стало веселее. Молодая учительница физкультуры, Басова Мария Ивановна, преподавала нам военное дело: учила стрелять, бросать гранату, оказывать первую помощь раненым. Она же организовала из нас «ансамбль песни и пляски». Мы с восторгом размахивали деревянными саблями и пели частушки:

«Гитлер хвастался крикливо Сталинград в два счета взять. Заварили фрицы пиво, Да не могут расхлебать».

Хвастал Гитлер со смешком Заарканить нас мешком, Да попался сам в мешок, Не собрал своих кишок...»

Время побежало быстрее. От отца стали приходить письма. Вся страна стала уже с уверенностью смотреть вперед.

Иван Дмитриев